

флуктуации. Но увеличение вероятности наступления желаемого финансового события в немалой степени зависит от силы координирующей, управляющей деятельности центральных и региональных властей. Для внешнего наблюдателя (общества или контрагентов) неопределенность «поведения» финансовых структур, несомненно, выглядит высокой; но в действительности эта структура всегда ведет себя достаточно рационально и стремится к достижению комплекса собственных целей. Чтобы уменьшить указанную неопределенность действий финансовой компании для внешних субъектов, и нужны создаваемые государством нормы и правила как конкретное воплощение финансовых институтов в правовой реальности.

Литература

1. Галухина Я., Рубченко М. Досрочный август // Эксперт.- 2004.- № 26. 12-18 июля.- С. 13-18.
2. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // СОЦИС. - 2003. -№ 9.
3. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли: В 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
4. Осипов Ю.М. Эпоха Постмодерна. В трех частях. – М.: ТЕИС, 2004.–336 с.
5. Сухарев О.С. Экономические очерки по институциональной теории и политике реформизма. – Брянск: БГТУ, 2000. 190 с.

Статья поступила в редакцию 04.01.2005

Д.Б. КОПТЮБЕНКО,

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва

РАЗВИТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Институт центрального банка традиционно считается неотъемлемой частью рыночной экономики. Однако развитие электронных средств расчета в США и, в особенности, в Западной Европе послужило причиной актуализации проблемы уменьшения концентрации денежной власти в руках центрального банка и эффективности проведения денежно-кредитной политики государством. Речь идет, прежде всего, о распространении систем электронных денег – суррогатах, которые обладают практически всеми функциями эмитируемых центральным банком банкнот и являются обязательствами частных банковских и нефинансовых организаций. Развитие альтернативных центральному банку денежных институтов, функционирующих параллельно с ним на конкурентной основе

может привести к уменьшению роли государства в финансовой сфере: появление новых возможностей для ухода от налогообложения, увеличение скорости обращения денег, а главное, частичный отказ от валюты, эмитируемой официальными денежными органами, может послужить причиной сокращения инструментов денежно-кредитной политики, которые использует государство с целью регулирования экономики. К тому же, появление альтернативных форм денежных расчетов затрудняет точную оценку размера денежных агрегатов, на которые ориентируется центральный банк при проведении денежно-кредитной политики. В результате появляется опасность концентрации эконо-

© Д.Б. Коптюбенко, 2005

мической власти в той мере, в которой в настоящее время ей обладает центральный банк, в руках частных финансовых структур, что грозит уменьшением эффективности функционирования рыночной экономики.

Важность этой проблемы подчеркивается в последнее время не только специалистами центральных банков, но и академическими экономистами, прежде всего, западными. Следует отметить наличие ряда исследований, использующих эконометрический и математический инструментарий для анализа последствий появления конкуренции на рынке денег для денежно-кредитной политики центрального банка. Их выводы противоречивы. Так, Бенджамин Фридман (Benjamin Friedman) в ряде своих работ в Национальном бюро экономических исследований США, а также такие экономисты как Майкл Вудфорд (Michael Woodford) и Кевин Доуд (Kevin Dowd), доказывают, что распространение частных электронных платежных систем должно если не полностью вытеснить из экономики институт центрального банка, то, по крайней мере, создать для него трудности в проведении денежно-кредитной политики. Напротив, Алойз Принц (Aloys Prinz) среди прочих в одной из работ предполагает, что, если электронные деньги и получают большую популярность, то равновесный объем денежной массы станет меньше, чем социально оптимальный. Поэтому, по его мнению, та доля экономической власти, которая находится в руках центрального банка, в обозримом будущем останется в руках государства.

Данная работа представляет собой попытку применить институциональный подход к изучению проблемы частной денежной эмиссии. По мнению автора, система «частных денег» в модифицированной форме имеет место в современной развитой экономике и может сосуществовать с институтом центрального банка. Впрочем, очевидно, что по мере укрепления негосударственных денежных институтов, экономическая власть центрального банка

будет сокращаться, как и степень ее концентрации у основных участников рынка. Вероятно, что под действием конкурентных сил произойдет рост чистого выигрыша потребителей в форме перераспределения к ним части сеньоража.

В соответствии с определением Европейского центрального банка, электронные деньги представляют собой стоимость, представленную обязательством эмитента, хранящуюся в электронной форме на некотором носителе и принимающуюся в качестве средства платежа агентами, отличными от эмитента. В настоящее время степень распространения электронных денег крайне невелика. Так, по данным Банка международных расчетов (Bank for International Settlements, BIS), в 2003 г. их доля в безналичном обороте Франции составляла лишь 0,1%, Германии – 0,3%, Голландии – 3,1%. Лишь в Сингапуре, где электронные деньги с 2008 г. получают национальный статус, эта цифра превысила 80%. Однако нельзя исключать, что и в ближайшие годы в динамике развития этих систем не произойдет существенных изменений.

Распространение prepaid карт и других форм электронных денег может означать отказ экономических агентов от использования традиционных форм денег, в частности, наличной валюты, для осуществления сделок. Динамика этого процесса будет зависеть, среди прочего, от того, смог ли тот или иной эмитент валюты довести объем средств в обращении до критического уровня. Другими словами, спрос на электронные деньги имеет ряд свойств спроса на «клубные» блага. По мере расширения группы пользователей электронных денег, преимущества от владения и пользования ими для каждого ее члена будут возрастать, поскольку это будет означать большую ликвидность этого рода валюты вследствие появления готовности принимать ее в качестве средства платежа у большего числа экономических агентов. Таким образом, снижается ряд присущих деньгам несистематических рисков. Сокращение предельных издержек

при распространении электронных платежных систем получило название «эффекта сети», или «сетевого эффекта» (net effect).

Иллюстрацией влияние эффекта сети на процесс распространения электронных денег может служить простая игровая модель, предложенная, в частности, Александром Берентсеном (Berentsen, 2000). Предположим, что первоначально существует только одно средство платежа, которое удовлетворяет условию GAMOE (General Accepted Media of Exchange – условие, согласно которому валюта имеет свободное хождение в данном обществе) и которое используется для оплаты всех покупок в экономике. В экономике такого типа появляется частный эмитент, чьи деньги имеют преимущества по сравнению с традиционными деньгами как для потребителей, так и для продавцов. В числе основных преимуществ частной электронной эмиссии можно выделить сокращение издержек, связанных с осуществлением сделок (издержек передачи активов на расстоянии), и возможность начислять процентный доход на активы, сберегаемые в электронной форме. Для использования нового вида денег покупатели и продавцы должны осуществить первоначальные инвестиции. Норма доходности по инвестициям зависит от того, как много агентов решат инвестировать средствами аналогичным образом. Таким образом, желание участвовать в проекте зависит от количества пользователей. В случае если совсем немного покупателей решат использовать новую технологию, продавцы не будут заинтересованы в инвестициях. И наоборот, если только немногие магазины обслуживают потребителей, расплачивающихся новыми деньгами, технология, скорее всего, не будет пользоваться популярностью среди покупателей.

В предложенной игре участвуют покупатели, использующие традиционные и электронные деньги для совершения сделок, и продавцы, принимающие те или иные деньги в счет оплаты за их товар. Игроки решают, инвестировать ли им в но-

вую технологию в зависимости от аналогичного решения контрагента. В игре существует три равновесия по Нэшу. В точке первого равновесия электронные деньги не используются несмотря на то, что их использование сопряжено с меньшими издержками для обоих агентов. Во второй равновесной точке используются как традиционные, так и электронные деньги. В условиях третьего равновесия используются только электронные деньги. Первое равновесие является предпочтительным даже для ситуации с нулевыми первоначальными инвестициями. Если потребитель не использует электронные деньги, то лучшей реакцией для продавца будет отказ от их использования. Аналогично, если продавец не использует традиционные деньги, то покупатель откажется от их использования.

Выводом из данной модели является утверждение, согласно которому даже если традиционные деньги, эмитируемые центральным банком, представляются менее предпочтительными по сравнению с электронными деньгами, от их использования трудно будет отказаться. Эмитенты электронных денег должны будут убедить как потребителей, так и фирмы, предоставляющие товары и услуги, в том, что их средства платежа несут в себе больше преимуществ, нежели недостатков, т.е. что их использование будет более выгодно для обоих видов агентов по сравнению с традиционными формами расчетов. Следовательно, эмитенты электронных денег должны будут понести дополнительные издержки, что сделает их деньги менее дешевыми.

Необходимость достижения минимального критического размера группы пользователей электронных денег накладывает ограничения и на число конкурирующих платежных систем. Фактически это означает, что рынок электронных денег не будет являться совершенно конкурентным. Конкуренция может даже стать фактором снижения спроса на электронные деньги. В результате по мере эволюции рынка этого вида денег на нем останется

лишь несколько крупных участников. Имеющиеся статистические данные (Van Nove, 2004, p. 58) свидетельствуют о наличии тенденции к укрупнению участников европейского карточного рынка путем слияния и стандартизации технологий.

Другим препятствием для распространения электронных денег может служить эффект зависимости от предшествующего развития, или так называемый эффект QWERTY. В ряде промышленно развитых стран, в первую очередь, в США, появлению электронных денег предшествовало внедрение других платежных систем, обладающих преимуществами по сравнению с традиционными бумажными деньгами. Речь идет, в частности, о дебетовых и кредитных картах, а также об электронных предоплаченных картах с ограниченными возможностями использования. Значительная часть положительного эффекта от замещения традиционных денег новыми формами была воплощена в этих технологиях. Еще одно замещение технологий в пользу электронных денег при сопоставимых затратах не даст столь же ощутимый эффект. Получается, что более прогрессивная технология не может встать на место менее продвинутой из-за слишком высоких затрат на ее внедрение. Не удивительно поэтому, что США отстают от Западной Европы по темпам распространения электронных денег. Еще одним примером подобного рода может служить опыт скандинавских стран. Одной из основных сфер применения электронных денег в настоящее время являются мелкие платежи. В странах Северной Европы для осуществления небольших расчетов традиционно используются дебетовые карты. Это является одной из причин относительной неудачи «электронных кошельков» на этих территориях.

Наконец, дополнительным тормозом развития систем негосударственных электронных денег могут стать сложившиеся в обществе представления об оптимальной институциональной структуре в сфере денежно-кредитных отношений. В большинстве стран центральный банк об-

ладает монополией на эмиссию бумажных денег, частная денежная эмиссия запрещена. Поскольку электронные деньги, по сути, могут считаться формой частных денег, возникают юридические риски их статуса.

Кроме того, среди экономистов существуют разногласия относительно того, как центральный банк должен реагировать на распространение электронных денег. Основные дебаты развернулись вокруг возможности разрешения эмитировать электронные деньги только банковским учреждениям. Такое ограничение позволило бы надзорным банковским органам регулировать эмиссию электронных денег. Резкое расхождение по этой проблеме наблюдается в официальной позиции Европейского Союза и США. Близкая аналогия между услугами эмитентов предоплаченных карт и депозитами банков в соответствии с законами некоторых государств ЕС привела к тому, что в докладе Европейского монетарного института от 1994 г. содержится рекомендация наделить банки исключительными правами эмитировать многофункциональные предоплаченные карты. Напротив, официальные органы США решили придерживаться позиции наблюдателя, чтобы не препятствовать развитию технологий в данной области. Опасность изменения политической конъюнктуры накладывает негативный отпечаток на склонность организаций экспериментировать с денежными институтами.

Изложенные факты тормозят распространение электронных денег, однако не являются непреодолимым препятствием для замещения доли государственной валюты частными формами. О том, что при государственной поддержке электронные деньги могут занять значительную часть рынка платежных инструментов, говорят данные BIS по Сингапуру, где с 2008 г. «электронные кошельки» должны получить официальный статус. В 2001 г., через год после объявления об этом решении, число карт с функцией «электронного кошелька» в этой стране выросло на 68% до 5,6 млн штук. Правда, число принимающих электронные деньги терминалов су-

щественно увеличилось только в 2002 г. Однако запоздание компенсировалось небывалым размахом их внедрения. Если в 2000 г. их было около 16 тыс., а в 2001 г. – менее 18 тыс., то в 2002 г. – уже 42,5 тыс. К началу 2004 г. число работающих с электронными деньгами приемных устройств выросло почти до 46 тыс. Это, конечно, меньше, чем в тех же Германии, и Франции, но динамика все равно остается впечатляющей. Еще более масштабными изменения кажутся в сопоставлении числа «электронных кошельков» с числом их потенциальных пользователей. На начало 2004 г., по статистике, каждый житель Сингапура имел, в среднем, более 2 карт с функцией электронных денег, причем каждая из них использовалась более 130 раз в году, т.е. чаще, чем 1 раз в 3 дня. Среднестатистический гражданин Сингапура прибегал к использованию электронных денег ровно 1 раз в день.

Поэтому с долей уверенности можно говорить о большом потенциале электронных денег в будущем, хотя и с учетом институциональных ограничений. Благоприятные перспективы ставят вопрос о перераспределении эмиссионного дохода от центрального банка другим участникам рынка. По данным BIS, в случае, если предоплаченные карты полностью вытеснят из обращения наличные банкноты номиналом не более 25 долл., сокращение сеньоража только в странах – учредителях BIS составят более 17 млрд долл. В той степени, в которой этот вид доходов центрального банка будет сокращаться, он станет расти у независимых эмитентов электронных денег. Перспективы получения эмиссионного дохода могут стимулировать эмитентов электронных денег, однако конкуренция за сеньораж и возможность процентных выплат на электронные деньги, по-видимому, должны в предельном случае сократить сеньораж практически до нуля, так же как в условиях конкуренции на других рынках исчезает монопольная прибыль производителя. Это, в свою очередь, приведет как к сокращению общественных издержек, так и к росту по-

требительского излишка. Таким образом, перераспределение эмиссионного дохода будет, прежде всего, выгодно держателям кассовых остатков, а не их эмитентам. В свою очередь, это приведет к уменьшению концентрации экономической власти в руках одной или нескольких организаций, как государственных, так и частных.

В завершении доклада уместно привести данные одного из опросов, проведенного несколько лет назад среди европейских предпринимателей (Gomez, Carie, 2000), так или иначе связанных с эмиссией смарт-карт или электронных денег. 35% респондентов утвердительно ответили на вопрос: «Считаете ли Вы, что электронные деньги потенциально могут заменить деньги, эмитируемые центральным банком?». Еще 47% респондентов посчитали, что такое возможно до некоторой степени. Из ответивших утвердительно 22% предположили, что это произойдет до 2005 г., 33% - до 2010 г. 83% сошлись во мнении, что это может стать реальностью не позже 2020 г. Мнение опрошенных можно назвать недостаточно объективным и слишком оптимистичным, но оно не лишено доли здравого смысла. Действительно, в случае, если системы электронных денег достигнут «критической массы», то их дальнейшее развитие будет ускоренным. При этом, как было показано в данной работе, многое будет зависеть от институциональных условий, в которых находятся эти системы, в частности, от истории эволюции платежных систем и отношения регулирующих органов к нововведениям в области финансов. Вместе с тем, стоит отметить, что перспективы распространения систем электронных денег сложно оценить на основании имеющегося в настоящее время статистического материала. Поэтому необходимо продолжить работу в данном направлении. Другим направлением исследований может стать более глубокий анализ возможной реакции центрального банка на распространение электронных денег и других финансовых инструментов.

Литература

1. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЭИС, 2002.
2. Bank For International Settlements. Implications For Central Banks of the Development of Electronic Money. 1996.
3. Bank for International Settlements. Survey of Developments in Electronic Money and Internet and Mobile Payments. 2004.
4. Berentsen, Aleksander. Digital Money, Liquidity, and Monetary Policy. First Monday, 1997.
5. Dowd, Kevin. The State and the Monetary System. N.-Y., 1989.
6. Friedman, Benjamin. Decoupling at the margin: The Threat to Monetary Policy From the Electronic Revolution in Banking. NBER working paper 7955, 2000.
7. Gormez, Yuksel, Forrest Capie. Surveys on Electronic Money. Bank of Finland, discussion paper no. 7/2000, June 2000.
8. Prinz, Aloys. Money in the Real and the Virtual World: E-Money, C-Money and the Demand for CB-Money. Netnomics : Economic Research and Electronic Networking; 1999; 1, 1.
9. Van Hove, Leo. Six Smart Moves When Paying the Smart Card Game. The CAPCO Institute, Journal of financial transformation No 12/2004.
10. Woodford, Michael. Monetary Policy in a World Without Money. NBER Working Paper No. 7853, 2000.

Статья поступила в редакцию 06.01.2005

ЧЖОУ СЯО ЮН (Китай),

Харьковский национальный университете им. В.Н. Каразина

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ РЫНОЧНЫХ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИТАЕ

В постсоциалистических странах, осуществляющих рыночное реформирование экономики, основополагающим субъектом изменений выступает государство как институт, руководящий процессом развития и ответственный за решение наиболее острых социально-экономических проблем населения.

Исследованию роли государства, его экономических функций в процессе рыночной трансформации посвящены работы украинских экономистов: О.Белоруса, О.Бирюкова, М. Гуревичева, Л. Дмитриченко, М. Долишнего, П. Ещенко, А. Канова, Б. Кваснюка, М. Козориза, С. Наливайченко, а также российских ученых: Л. Абалкина, М. Делягина, С. Губанова, В. Марцинкевича, А. Некипелова, А. Олейника, А. Пороховского, В. Супяна, А. Эльянова и др.

Особый интерес представляет опыт государственного регулирования в период рыночных реформ в отдельных транзитивных странах, к которым относится и Ки-

тай. Целью данной статьи является обобщение и освещение опыта государства по рыночному преобразованию китайской экономики.

Более 25 лет назад, в декабре 1978 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором китайским руководством было принято важное ответственное решение о проведении всесторонней реформы экономической системы в стране. К концу 70-х годов после окончания «культурной революции» стало ясно, что продолжение прежней экономической политики, опирающейся на командно-административную систему, не может обеспечить Китаю решение основных задач, стоящих перед страной. В 1978 г. валовый национальный продукт на душу населения составлял всего 230 долл. Несмотря на подъем производства в 60-70-е гг. (среднегодовые темпы роста ВВП составляли 7,3-8,3%), в Китае наблюдался политический, экономический

© Чжоу Сяо Юн, 2005